

Длинноногий, высокий Гуань Шу в несколько широких шагов оказался рядом. На Шэнь Яо он больше не смотрел — взгляд его был устремлен строго вперед, будто он с самого начала целился именно в эту точку, а не высматривал омегу.

— Дядя Гу, тетя Гу, сестра Юньюнь, — поздоровался Гуань Шу и тут же извиняющимся тоном добавил: — Отец просил передать свои глубочайшие извинения. Срочные дела задержали его, и он не смог прийти.

Отец Гу мягко улыбнулся:

— Пустяки, о каких извинениях речь?

И Гуань Шу, и Янь Чжисина он искренне ценил как выдающихся представителей молодого поколения и давно хотел познакомить их друг с другом. Поскольку Гуань Шу пришел позже, а Янь Чжисин был старше, отец Гу обратился сначала к последнему:

— Чжисин, познакомься, это Гуань Шу. Сын генерала Гуаня.

Не успел он представить Янь Чжисина в ответ, как Гуань Шу сам сделал шаг вперед и протянул руку. Бывший курсант военной академии, уже успевший побывать в серьезных переделках, он щеголял широкой ладонью, покрытой жесткими мозолями и старыми шрамами.

— Господин Янь, — произнес Гуань Шу. Его темные глаза казались бездонными. — Мы ведь уже встречались. Надеюсь, вы меня не забыли?

Голос его звучал обманчиво ровно, как замерзшее озеро, но в глубине темных глаз затаился хищный, волчий блеск. От всей его фигуры исходила тяжелая, давящая аура.

Янь Чжисин даже бровью не повел. Он спокойно принял рукопожатие. Их ладони, одинаково широкие и сильные, соприкоснулись лишь на миг — это мимолетное касание длилось меньше, чем падение иглы на полированный стол.

— Разумеется, помню, прокурор Гуань.

Взгляд Гуань Шу скользнул по тыльной стороне ладони собеседника, подметив свежие, едва затянувшиеся царапины — явный след острых ногтей омеги.

Подержав взгляд на чужой руке, он медленно перевел его на лицо Шэнь Яо и как бы невзначай спросил:

— Это ваш омега?

Янь Чжисин убрал руку в карман. Ему слишком часто задавали этот вопрос, поэтому он лишь коротко, без тени сомнения кивнул.

Гуань Шу посмотрел на Шэнь Яо. В его взгляде не было навязчивой грубости — лишь мимолетный, вежливый интерес. С самым непринужденным видом он повторил недавние слова Гу Юньюнь:

— Очень красивый.

На этот раз Шэнь Яо не стал смущенно улыбаться или преданно заглядывать в глаза Янь Чжисину. Он лишь вежливо склонил голову, изображая послушную, очаровательную фарфоровую куклу, и тихо ответил:

— Спасибо.

Гуань Шу держался безупречно. Каждое его движение, каждый жест излучали холодную отстраненность, словно перед ним стоял абсолютно чужой человек, с которым он никогда не был знаком.

Но в следующее мгновение уголок его губ дернулся в горькой усмешке:

— Тот звонок, на который вы ответили при мне, господин Янь... Это ведь он звонил?

Янь Чжисин нахмурился, его голос стал еще холоднее:

— Да.

Бестактный вопрос прозвучал странно и неуместно, мгновенно создав натянутую, неловкую паузу.

Отец Гу, искушенный в светских раутах, тут же вмешался, разряжая обстановку. Он дружески похлопал Гуань Шу по плечу:

— Сяо Шу, и когда же ты вернулся? — В его голосе послышалось искреннее одобрение. — Столько лет не виделись! Возмужал, остепенился. Видно, суровая академическая муштра все-таки пошла тебе на пользу.

В юности Гуань Шу знатно куролесил, то и дело влипая в сомнительные истории. Отец Гу с тех самых пор, как мальчишка научился ходить, только и слышал от генерала Гуаня жалобы на то, сколько армейских ремней и палок ушло на воспитание этого сорванца.

Лишь в старших классах Гуань Шу немного притих и перестал устраивать крупные скандалы.

Отец Гу уже было решил, что парень наконец взял себя в руки, но в год выпуска из школы тот выкинул нечто такое, что привело генерала Гуаня в неопишную ярость.

Тогда все закончилось куда серьезнее, чем обычно.

Гуань Шу полмесяца провалялся на больничной койке, а едва встал на ноги, под конвоем был отправлен в закрытую военную академию, где его безвылазно продержали четыре года.

— Недавно, — ответил Гуань Шу, сделав глоток виски. — Около двух месяцев назад.

Отец Гу понимающе вздохнул:

— Никогда бы не подумал, что ты пойдешь в прокуратуру. Твой отец говорил, ты бредил службой в спецназе, рвался на передовую, в «Парящие Ястребы».

«Парящие Ястребы» были самой засекреченной и элитной штурмовой группой. Туда отбирали лишь лучших из лучших — альф, стоявших на самой вершине воинской иерархии, и отправляли их на самые опасные задания.

С его баллами выпускника Гуань Шу без труда прошел бы жесткий отбор, но судьба сделала крутой вираж, и он вернулся в столицу.

Должность военного прокурора тоже считалась элитной и сулила блестящую карьеру, к тому же была куда безопаснее окопов на границе. Получить такое назначение сразу после выпуска, без протекции влиятельного отца — достижение колоссальное.

И все же строгий мундир плохо вязался с хищной, дикой грацией Гуань Шу. Он был рожден для неба, как вольный орел, а не для душных кабинетов.

— Дядя, — спокойно ответил молодой альфа, и в его голосе не чувствовалось ни капли сожаления о несбывшемся. — Люди меняются.

Отец Гу хмыкнул и снова дружески хлопнул его по плечу:

— Что ж, тогда вы с Чжисинном коллеги по несчастью. Он ведь тоже вернулся в страну примерно два месяца назад. Какой забавный каприз судьбы.

— Надо же, какое совпадение, — сухо обронил Гуань Шу.

На этом формальности были исчерпаны. Гуань Шу пригубил бокал в знак уважения и вскоре вернулся к своему другу. В нескольких шагах от них, в тени колонны, его ждал Лу Тинсинь — такой же подтянутый молодой человек в строгом прокурорском мундире.

Они дружили с самого детства. И Лу Тинсинь был единственным, кто знал о том тайном, безумном романе, который когда-то связывал Гуань Шу и Шэнь Яо.

О красоте Шэнь Яо в школе слагали легенды еще в старших классах. Его парта вечно ломилась от робких любовных писем, дорогих шоколадок и подарков. Даже те, кто учился в параллельных классах, знали его имя.

Стоило Шэнь Яо показаться в коридоре, как толпа альф тут же облепляла окна и двери класса, вытягивая шеи, чтобы поймать мимолетный взгляд прекрасного омеги. Лу Тинсинь не опускался до столь жалкого зрелища, но тоже не упускал случая украдкой полюбоваться им.

И лишь Гуань Шу оставался демонстративно слеп. Он сидел на галерке, уткнувшись носом в сложенные на парте руки, и злился, когда восторженный гул мешал ему спать. В такие моменты он лениво приподнимал голову, щурил тяжелые веки и раздраженно цедил сквозь зубы:

— Цыц.

В классе мгновенно воцарялась тишина. Лу Тинсинь тогда легонько пинал ножку его стула:

— Эй, ты хоть знаешь, как выглядит этот Шэнь Яо? Почему ни разу даже не взглянул?

Невыспавшийся Гуань Шу раздраженно зыркнул на него:

— Омег не видел, что ли? Ну красивый, и дальше что? Он что, небожитель, спустившийся на землю? Я от одного взгляда на него помолодею или бессмертие обрету?

Лу Тинсинь аж поперхнулся от такой непрошибаемости. Он снова пихнул стул друга и вполголоса буркнул:

— Ну и дубина ты неблагодарная. Слепец несчастный.

Кто бы мог подумать, что эта «дубина» в итоге не просто разглядит Шэнь Яо, а втрескается в него по самые уши. Любовь изменила Гуань Шу до неузнаваемости.

Тот самый парень, который с высокомерным видом фыркал: «Да на что там смотреть?», теперь сидел на уроках с вечно насупленными бровями, не выпуская из рук телефон.

Вид у него при этом был настолько свирепый и угрюмый, что казалось, попадись ему под руку бродячая собака — он и ей отвесит пинка просто так, от избытка чувств.

Лу Тинсинь поначалу думал, что друг развязывает виртуальную войну с какими-нибудь местными бандами. Но, скосив глаза в экран, он едва не расхохотался в голос. Дисплей был забит бесконечными, упрямыми сообщениями, адресованными одному-единственному человеку:

«Яояо»

«Ты где?»

«Почему молчишь?»

«Опять игнорируешь?»

«Хочу тебя увидеть».

Свирепое лицо убийцы и тон сопливого влюбленного в переписке — этот контраст доводил Лу Тинсиня до колик.

Гуань Шу буквально тенью следовал за Шэнь Яо, ловя каждое его слово. Он помнил все до единой мелочи, бегал по любым поручениям своего омеги, решал все его проблемы, а потом, прислонившись к стене, устало бросал Лу Тинсиню: «Шэнь Яо такой неженка, вечно с ним хлопот не оберешься». Но в этом напускном ворчании сквозила такая неприкрытая гордость, что тошнило.

Однажды в самом глухом углу школьного двора Лу Тинсинь застукал их вместе. Гуань Шу явно злился — губы были сжаты в узкую полосу, а челюсти так и ходили ходуном. Шэнь Яо стоял на ступеньку выше, мягко, немного устало улыбался и ласково гладил бешеного пса по жестким волосам, тихо нашептывая какие-то успокаивающие слова.

И в то же мгновение Гуань Шу с тихим рыком сгреб его в охапку, утыкаясь носом в шею. Он действительно был цепным псом, признающим лишь одного хозяина.

Лу Тинсинь был уверен, что эта безумная парочка никогда не расстанется. Но потом случилось нечто, о чем Гуань Шу наотрез отказался говорить. Разрыв был громким, грязным и невыносимо болезненным.

Конечно, Лу Тинсинь догадывался, что Шэнь Яо просто вышвырнул преданного пса из своей жизни. Гуань Шу тогда совсем слетел с катушек — это была не тихая депрессия брошенного влюбленного, а ярость маньяка, который точит нож в подвале, готовясь выкрасть свою беглую игрушку.

Проводив удаляющуюся фигуру друга взглядом, Лу Тинсинь дождался, пока тот вернется, и тихо спросил:

— Это что, новый хахаль Шэнь Яо?

— А мне откуда знать? — ледяным тоном отозвался Гуань Шу. — Какое мне дело до его подстилок?

Лу Тинсинь хмыкнул:

— Если тебе все равно, зачем поперся туда? Только не говори, что до сих пор сохнешь по нему.

После расставания имя Шэнь Яо стало в их компании строжайшим табу. Гуань Шу предупреждал об этом один раз, но пьяный Лу Тинсинь как-то раз все же ляпнул лишнего.

В ту же секунду Гуань Шу швырнул друга на пол, подмял под себя и, вцепившись мертвой хваткой в воротник рубашки, прорычал прямо в лицо налитыми кровью глазами:

— Я же сказал тебе, сука, никогда. Больше. Не называть. Это. Имя!

Хмель тогда выветрился моментально. С тех пор Лу Тинсинь держал язык за зубами.

Но ведь прошло столько лет. Шэнь Яо уже открыто крутил роман с другим альфой.

Гуань Шу молчал. Он хотел было соврать, сказать, что ему плевать, что он подошел исключительно ради вежливости к семье Гу, а на омегу даже не взглянул. Но желваки на его лице заходили ходуном, и сквозь зубы вырвалась суровая правда:

— Я просто хотел посмотреть, как он устроился.

У Лу Тинсиня болезненно сжалось сердце. Он уже приготовился выслушать признание в вечной любви, но Гуань Шу залпом осушил бокал и с такой силой сжал хрусталь в ладони, что тот едва не лопнул. Его голос прозвучал жутко — то ли от затаенной ненависти, то ли от полного, выжженного безразличия:

— Мне нужно было убедиться, что ему хреново. Только тогда я смогу спать спокойно.

В представлении Лу Тинсиня его друг никогда не был мелочным или злопамятным. Если кто-то переходил ему дорогу, Гуань Шу решал вопрос на месте — быстро и жестко. Он не умел долго лелеять обиду.

Но Шэнь Яо стал исключением. Эта ненависть была чистым, незамутненным ядом, смешанным с безумной одержимостью. Гуань Шу сам запер себя в этой клетке, добровольно утопая в болоте прошлых обид.

Интересно, что же такого натворил этот хрупкий омега, раз заставил дикого зверя исходить пеной от злости даже спустя годы?

Лу Тинсинь вздохнул, подбирая слова для утешения:

— Слушай, тебе стоит...

Он не успел договорить. Гуань Шу резко развернулся и стремительным шагом направился в глубь зала. Лу Тинсинь попытался перехватить его, но пальцы лишь скользнули по шероховатой ткани кителя — альфа грубо стряхнул его руку.

Оставшись стоять на месте, Лу Тинсинь лишь обреченно смотрел, как его друг хищной тенью устремляется вслед за ушедшим Шэнь Яо.

Шэнь Яо стоял один перед зеркалом в туалетной комнате. На приеме ему пришлось выпить несколько бокалов вместо Янь Чжисина, и хмель уже давал о себе знать.

На бледных щеках расцвел нежный, лихорадочный румянец, делавший его и без того соблазнительное лицо донельзя порочным. Омега открыл кран и плеснул на лицо ледяной водой, пытаясь унять жар.

Он не был пьян, ему просто было невыносимо душно. Смахнув капли воды с ресниц и скул, Шэнь Яо потянулся к ручке двери.

Стоило ему приоткрыть дверь и сделать шаг наружу, как перед ним выросла тяжелая фигура в начищенных до блеска армейских берцах. Шэнь Яо инстинктивно отступил назад.

Гуань Шу надвигался молча, уверенно, каждым шагом оттесняя омегу назад, пока тот не уперся лопатками в холодную плитку угла.

Эта уборная была изолированной и находилась в самом конце коридора — Шэнь Яо специально выбрал ее, чтобы побыть в тишине. Щелкнул замок. Дверь закрылась, отрезая их от внешнего мира. Теперь звать на помощь было бесполезно.

Тонкий шрам на брови Гуань Шу остался с ним на всю жизнь, разделяя ее надвое и придавая лицу хищное, опасное выражение. Он опустил веки, буравя взглядом бледное лицо Шэнь Яо.

Тот был чертовски хорош. Изящный, хрупкий, как дорогой фарфор, который хочется укутать в

бархат... и в то же время вызывающий непреодолимое желание разбить его вдребезги. За те годы, что они не виделись, Шэнь Яо расцвел, словно дикая роза. Его аромат стал гуще, а шипы — острее, и вокруг него вилось все больше голодных альф.

Гуань Шу и сам не понимал, какого черта он сюда полез.

Столько лет прошло... Ему следовало вычеркнуть эту дрянь из памяти, бежать от нее как от чумы.

Но тело сработало быстрее разума. Загнав Шэнь Яо в угол, он ощущал лишь одно дикое, всепоглощающее желание — причинить омеге боль. Заставить его мучиться так же, как мучился он сам все эти проклятые годы.

Он издевательски усмехнулся, брызжа ядом:

— Столько лет прошло, а ты все так же профессионально раздвигаешь ноги перед альфами? Ну и как ты захомутил этого? Рожей своей смазливой или сразу телом? Впрочем, тебе не привыкать торговать и тем, и другим.

Он подался вперед, обдавая Шэнь Яо тяжелым дыханием:

— Только вот твой Янь Чжисин на тебя даже не смотрит. Ни одной улыбки, ни одного ласкового слова. С чего ты так под него стелешься? Он ведь даже на звонки твои отвечает так, словно разговаривает с секретаршей. Если бы он сам не вякнул, что ты его подстилка, я бы решил, что ему звонит назойливый стажер.

Гуань Шу говорил без остановки, упиваясь собственной злостью и не давая Шэнь Яо вставить ни слова. Напоследок он зло выплюнул:

— Ах да, я и забыл. Ты же у нас шлюха с мазохистскими замашками. Чем хуже с тобой обращаются, тем сильнее ты течешь.

В его глазах застыла ледяная ярость, а губы искривились в судорожной гримасе.

Шэнь Яо даже бровью не повел на эту грязь. Он лишь молча разглядывал альфу. Его взгляд оставался безмятежным, прозрачным и холодным, словно зимний лунный свет.

Гуань Шу действительно изменился. Раздался в плечах, заматерел, потяжелел взглядом.

Прежний, юный Гуань Шу вцепился бы ему в горло в первую же секунду встречи. Армейская муштра явно пошла ему на пользу — научила держать себя в руках.

Но ненадолго. Стоило им остаться наедине, как вся эта напускная цивилизованность слетела, обнажив нутро бешеного пса.

Шэнь Яо с самого начала знал, что бывший любовник идет за ним по пятам, и намеренно заманил его сюда. Стоя в ловушке, омега не чувствовал страха.

В глубине души он был благодарен Шэнь Шэньмяню за предупреждение — по крайней мере, появление призрака из прошлого не застало его врасплох.

— Гуань Шу.

Этот тихий, хриловатый голос заставил сердце альфы пропустить удар. В нем не было прежней нежности, не было и ответной злости — лишь бесконечное, ледяное равнодушие.

Шэнь Яо говорил с ним так, словно перед ним стоял случайный знакомый, с которым они не виделись сто лет. Это вежливое безразличие ранило сильнее любых оскорблений. Гуань Шу до боли сжал кулаки.

— Сколько мы не виделись? Четыре года? — негромко спросил Шэнь Яо. — Как твои дела?

— Прекрасно. С чего бы мне жить плохо? — выцедил Гуань Шу, едва сдерживая клокочущую внутри ярость. — А ты? Как поживаешь? Сколько альф успели побывать в твоей постели, пока меня не было?

Он оперся рукой о стену рядом с головой Шэнь Яо, натянув ткань форменного кителя. Наклонившись к самому уху омеги, он глухо выдохнул:

— Шэнь...

Но Шэнь Яо мягко перебил его.

— Тебя это не касается, — Шэнь Яо слегка нахмурился и отвернулся, тихо вздохнув. — Ты до сих пор меня ненавидишь?

Гуань Шу злобно хохотнул и отстранился на шаг, пряча уязвимость за маской презрения:

— Слишком много чести. Ты не стоишь моей ненависти.

— Вот и отлично, — Шэнь Яо опустил пушистые ресницы. На его безупречном лице промелькнуло странное выражение — смесь искренней грусти и холодного эгоизма. — Если ты считаешь, что я тогда остался тебе что-то должен... поверь, я уже давно все выплатил. С

лихвой.

Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума. Его чувственные, влажные губы оказались в опасной близости от лица Гуань Шу.

Шэнь Яо тихо, дразняще рассмеялся:

— Или ты просто соскучился? Столько лет прошло, а ты все никак не забудешь вкус моего тела? Хочешь начать сначала?

Гуань Шу с силой оттолкнул его, окончательно теряя самообладание:

— Начать сначала?! С тобой?! Да ты бредишь, шлюха! Ты хоть понимаешь, как ты жалок?

— Вот и славно, — мягко ответил омега.

Он спокойно обошел тяжело дышащего альфу и повернул замок. Тот не сделал ни единой попытки его остановить. Прежде чем выйти в залитый светом коридор, Шэнь Яо обернулся:

— Гуань Шу. Прошло целых четыре года. Забудь меня. И отпусти эту обиду.

Четыре года.

Три года безумной любви, четыре года крошечного ада после расставания. Семь лет его жизни. Почти целая вечность.

И все это время в капкане воспоминаний бился только он один. Шэнь Яо же, подобно безмозглой аквариумной рыбке с семисекундной памятью, давно уплыл в чистую воду, даже не вспомнив о том, кого оставил позади истекать кровью.

Засыпая на жестких нарах военной академии, Гуань Шу тысячи раз задавался вопросом: чего он хочет? Каков финал у этой удушающей ненависти?

Желает ли он смерти Шэнь Яо? О да, временами ему хотелось задушить эту тварь собственными руками. Но... нет. Смерть была бы слишком простым избавлением.

Альфа зажмурился, чувствуя, как дыхание спирает от подступающей к горлу горечи. Стоит ли просто забыть? Смириться?

Но больной разум уже подкидывал новые, грязные, сладострастные картины. Запереть. Утащить в свою конуру. Шэнь Яо — эгоистичная, холодная тварь, его душу не согреть любовью.

Значит, нужно действовать силой.

Приковать к кровати в темной комнате, чтобы солнце никогда не касалось его молочной кожи. Трахать его до хрипа, до кровавых слез, пока он не разучится дышать без разрешения. Поставить ему пожизненную метку — раз за разом, выжигая клеймо собственности на его нежной шее, чтобы он навсегда забыл дорогу на свободу.

Только так этот порочный ангел научился бы послушанию. Только так он остался бы с ним навсегда.

Это был бы идеальный, самый сладкий финал его мести. Но иллюзия с треском лопнула, разбившись о суровую реальность.

Раздался глухой удар.

Гуань Шу с размаху впечатал кулак в стену. Прочная облицовочная плитка пошла паутиной трещин.

Костяшки пальцев мгновенно опухли и налились багровой кровью. В голове эхом отдавался спокойный, равнодушный голос Шэнь Яо. Боже, как же он ненавидел эту его безмятежность!

Почему он должен прощать? Почему Шэнь Яо живет дальше, словно ничего не произошло, а он гниет заживо в своей ненависти?

Он заставит его страдать. Заставит умываться слезами и умолять о пощаде на коленях.

К тому же оставался один вопрос, ответ на который он жаждал узнать больше всего. Там, в полумраке туалета, стоя вплотную к омеге, Гуань Шу уловил едва заметный, почти выветрившийся запах чужого альфы, исходивший от его шеи.

Чужая метка.

Янь Чжисин и Шэнь Яо были официальной парой, и наличие временной метки было делом вполне естественным. Но для Гуань Шу это стало последней каплей. Лицо его потемнело от ярости. Постояв секунду в пустой уборной, он с грохотом распахнул дверь и бросился в погоню.

Позади особняка семьи Гу располагался огромный открытый бассейн. Шэнь Яо, возвращаясь в зал, решил срезать путь мимо него, морщась от резкого запаха хлорки.

Вдруг за спиной раздался стремительный, тяжелый топот. Омега не успел даже обернуться — сильный удар в спину вытолкнул его вперед.

Шэнь Яо испуганно распахнул глаза. На долю секунды перед ним промелькнуло черное ночное небо, а затем он спиной вперед полетел в ледяную бездну бассейна.

Раздался оглушительный всплеск.

Вода в бассейне не подогревалась. Для летнего вечера она была слишком холодной — колючий, обжигающий холод мгновенно сковал тело омеги.

Погружаясь под воду, Шэнь Яо инстинктивно зажмурился. Бассейн оказался глубоким. Омега стремительно шел ко дну, пока выталкивающая сила не замедлила его падение, заставив зависнуть в толще воды.

В ушах стоял глухой, ватный гул, сквозь который прорывались лишь невнятные, приглушенные звуки внешнего мира.

Преодолевав страх, Шэнь Яо открыл глаза. Прожекторы подсветки пробивали толщу воды яркими, размытыми лучами. И сквозь это сияние к нему стремительно приближался темный силуэт.

Его палач. Его безумный альфа.

Ледяная вода забивалась в нос и рот, обжигая легкие. Кислород в крови стремительно таял. Шэнь Яо беспомощно потянулся рукой вверх, словно моля о спасении.

Навстречу его ладони опускался Гуань Шу. Его искаженное лицо становилось все отчетливее, окруженное ореолом яркого света, будто он был ангелом, спустившимся забрать его душу.

Но в следующее мгновение этот «ангел» мертвой хваткой вцепился в горло Шэнь Яо.

Широкая ладонь безжалостно сжала тонкую шею, увлекая омегу еще глубже, на самое дно холодного резервуара.

Темные волосы Шэнь Яо колыхались в воде, делая его похожим на гибнущую русалку. Гуань Шу не шутил — его пальцы сжимались с пугающей, смертельной силой.

Он хладнокровно наблюдал, как на лице омеги проступает предсмертная мука. Раз уж тот так рвался уйти, что ж... они утонут вместе.

Шэнь Яо смотрел на него в упор. В его широко раскрытых глазах застыли растерянность и покорность судьбе. Он даже не пытался вырваться. Пережатое горло лишило его последних крох кислорода, сознание уплывало.

Перед глазами поплыли черные круги. Шэнь Яо слабо, почти неосознанно коснулся горячих пальцев, сжимавших его горло — единственного источника тепла в этой ледяной могиле.

Затем его веки дрогнули и закрылись, ладони безвольно соскользнули вниз. Он сдался. Даже искаженное судорогой удушья, его лицо оставалось неопишимо, болезненно прекрасным.

Сквозь мутную толщу воды Гуань Шу всматривался в эти черты. Когда-то эти губы улыбались только ему одному.

Внезапно ярость отступила, сменившись паникой. Альфа разжал пальцы и, прижав обмякшее тело к себе, яростно впился в его губы.

Этот поцелуй не имел ничего общего с нежностью — он был диким, варварским спасением. Гуань Шу силой раздвинул губы омеги, делясь с ним остатками воздуха. Крошечные пузырьки с тихим шипением поднимались к поверхности с их слившихся губ.

Шэнь Яо, уже терявший сознание, инстинктивно вцепился в плечи спасителя, как утопающий за соломинку. Он жадно прильнул к его рту, впитывая спасительный кислород.

Это походило на отчаянный, предсмертный крик о помощи.

Гуань Шу чувствовал, как его острые клыки царапают нежную кожу губ омеги, заставляя того слабо вздрагивать от боли под водой. Но эта реакция лишь сильнее распаляла его. Он зарылся пальцами в мокрые волосы на затылке Шэнь Яо, лишая его малейшей возможности отстраниться.

В этот миг он был для Шэнь Яо единственным богом, способным даровать жизнь. Схватив омегу за талию, альфа мощными толчками ног устремился к поверхности.

Гуань Шу с шумом вообрал в себя воздух, выбрался на бортик и рывком вытащил обессиленного Шэнь Яо на плитку.

Вода ручьями стекала с их промокшей одежды, с тихим шлепком ударяясь о бетон.

Шэнь Яо полулежал на боку, заходясь в мучительном, раздирающем кашле. Мокрые пряди облепили лоб, вода заливала глаза, но он не замечал этого, пытаясь извергнуть из легких попавшую туда воду.

Его ресницы покраснели от слез и удушья. Он попытался выдавить сквозь хрип:

— Гу... Гуань Шу...

Но альфа снова заткнул его поцелуем — жадным, ледяным, в котором не было ни капли тепла, лишь отчаянная попытка согреться друг о друга.

Шэнь Яо стоял на коленях, запрокинув голову. Его слабые ладони упирались в грудь Гуань Шу, пытаясь оттолкнуть его, но альфа лишь крепче сжимал его талию, прижимая к себе. На мокрой плитке расплывалось темное пятно.

Внезапно до ушей Гуань Шу донеслись тихие шаги. Он нехотя оторвался от искусанных губ омеги. Наклонившись, он подобрал брошенный ранее китель, намереваясь набросить его на плечи дрожащего Шэнь Яо, но шаги приближались слишком быстро.

Вскинув голову, он замер. На другом конце дорожки, в нескольких десятках метров от них, стоял Янь Чжисин.

Старший альфа хмурился. Сцену поцелуя он не застал, но мокрый вид пары явно заставил его заподозрить неладное. Он медлил, решая, стоит ли подходить.

Встретившись взглядом с соперником, Гуань Шу с вызовом швырнул мокрый китель обратно на землю. Опустившись на одно колено, он грубо схватил Шэнь Яо за руку, заставляя того поднять голову.

Янь Чжисин перевел взгляд ниже, уставившись на его пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в запястье омеги.

Гуань Шу всматривался в затуманенные глаза Шэнь Яо. Его собственное лицо исказилось от бешеной, почти осязаемой ярости. Пальцы сжимали предплечье омеги так сильно, словно он пытался раздробить кости.

Он ведь знал. Знал, к какому выводу придет. Но подтверждение догадки все равно перерезало последнюю нить, удерживающую его рассудок.

— Шэнь Яо... где моя пожизненная метка? — прошипел он, балансируя на грани полного безумия. Голос его дрожал от дикой смеси ледяного контроля и бушующего хаоса. — Ты предпочел пройти через ад выжигания метки, лишь бы не оставаться моим?!

Шэнь Яо смотрел на него непонимающе. Он медленно убрал ладонь от шеи, обнажив багровые следы пальцев альфы на мертвенно-бледной коже. Это зрелище выглядело пугающе красиво.

Но Гуань Шу было плевать. Ответное молчание лишь подливало масла в огонь его ярости.

Он переводил безумный взгляд с Шэнь Яо на приближающегося Янь Чжисина.

— Ты так сильно раздвигаешь ноги перед этим ублюдком? Готов жрать его феромоны, но мою метку носить побрезговал, да?!

Гуань Шу рванул омегу на себя, обдавая его волной ледяной ярости. Единственное, что еще удерживало его от того, чтобы перегрызть Шэнь Яо горло прямо здесь — осознание, что след на шее омеги всего лишь временный, слабый запах Янь Чжисина, который можно легко перекрыть.

Прижавшись губами к мокрому уху Шэнь Яо, он прошептал с ядовитой ухмылкой:

— На руке Янь Чжисина свежие царапины... Ну и как, сладко вы трахались? Прямо до беспамятства, да? Сдирал с него кожу от удовольствия? Интересно, что запоеет твой благоверный, когда узнает, какую потасканную, грязную суку он подобрал? Что ты уже давно испорчен мной вдоль и поперек?

Гуань Шу сделал паузу, обжигая его шею безумным, ревнивым дыханием:

— Как думаешь... он вышвырнет тебя на помойку после этого?

<http://bllate.org/book/18245/1748449>